

Я стояла, прижавшись спиной к прохладной стене. От напряженного ожидания все тело сковало, казалось, я стала частью этой стены. Вот тут, совсем рядом, за прочной металлической дверью, находился человек, по вине которого я жила последние две недели словно в полных опасностях каменных джунглях, где опытный стрелок, выслеживая жертву, всегда находится в тени, а жертва едва успевает спрятаться от неминуемой пули. Увы, в этой сложной игре мне и моему нынешнему клиенту достались роли жертв. И вот я здесь, рядом со мной молодой парень, отважный и бесстрашный. Еще бы, ведь на нем защитная форма сотрудника СОБРа, шлем, пуленепробиваемый бронежилет, автомат. Парень крепко обхватил мое запястье, удерживая рядом с собой. Напротив еще трое, в том же обмундировании, с оружием наготове. Парни общаются знаками, ни единого слова, только напряженное сосредоточение и ожидание команды. «Охотник», скрывающийся за металлической дверью, еще не знает, что готовится штурм его «убежища», такого поворота собы-

тий он явно не ожидает. Ведь все это время он диктовал условия игры, но сегодня, сейчас, через считанные секунды я в компании бравых ребят из СОБРа планировала поставить жирную точку в затянувшейся и опасной схватке.

Мучительные секунды ожидания сливались в бесконечные минуты, я почувствовала, как прохладная капля пота покатила по щеке. Привычные бытовые звуки — открывающихся дверей, едущих лифтов, сигнализирующих на улице машин — буквально разрывали повисшую тишину. Но тут один из собровцев приложил палец к уху, быстро кивнул своим коллегам и посмотрел на меня. Сигнал к началу штурма получен, пришло мое время выступить на первый план.

Я одернула юбку, поправила прядь волос и подошла к входной двери. Бронежилет, прикрытый темной широкой блузкой, стягивал грудь. Глубокий вдох и... три протяжных звонка, затем, через несколько секунд, еще один короткий. За дверью слышались шаги, кто-то, пока невидимый для меня, приблизился к двери.

— Кто? — услышала я неприятный мужской голос.

— Мы с вами договаривались, — ответила холодно.

— Одна пришла? — строго поинтересовался мой собеседник через запертую дверь.

— Разумеется.

— Смотри мне, если попытаешься обмануть, я твоего Стасика в порошок сотру.

Стасик — это как раз и есть мой клиент. В данный момент он находился в окружении сотрудников милиции, и ничто ему не угрожало. Хотя человек, назначивший мне встречу, еще не знал об этом. До него данная информация благодаря моим стараниям не дошла.

— Деньги принесла?

— Вот. — Я подняла руку, демонстрируя небольшой чемоданчик. Сквозь дверной глазок мужчина долго изучал мою ношу.

— Руки подними так, чтобы я их видел. И не дури.

Я сделала то, о чем он просил, и стала ждать, когда откроется дверь. Сначала металлический звук известил нас о том, что снята дверная цепочка, затем щелчок, ключ в замке один раз повернули. Собровцы сохраняли невозмутимое спокойствие, для них сигналом к штурму была открытая дверь, но хозяин дома медлил, как будто шестое чувство подсказывало ему: не так все чисто, как кажется.

Едва узкая полоска света вырвалась из заточения, пронзая щель между дверью и порогом, как крепкая мужская рука одного из собровцев оттолкнула меня в сторону. Основным условием, поставленным передо мной до начала штурма, было мое неучастие в операции. Несмотря на возражения, мне позволено было выступить только в скромной роли приманки, все остальное должны были сделать собровцы. Я стояла, прижавшись спи-

ной к стене, и наблюдала заключительную часть своей нелегкой, утомительной работы. Его взяли быстро и практически без шума, две пули, выпущенные из «макарова» преступником, воткнулись в потолок, не причинив никому вреда. Щелчок наручников стал заключительным аккордом. Я посмотрела в глаза своему противнику, когда его выводили из квартиры. Они были полны ненависти и злобы.

— Тварь, — еле слышно прорычал он, проходя мимо меня.

— Сам такой, — шепнула я в ответ и приподняла блузку, чтобы расстегнуть тесный бронезилет.

Вечером того же дня

День был на исходе, меня пригласил на ужин мой старый знакомый, Вовка Порошин. Его участие в минувшем деле было весьма значимым. Можно сказать, он, сотрудник правоохранительных органов, выступил посредником между мной и собровцами. И теперь, когда все неприятности оказались позади, а мой счет в банке пополнился на внушительную сумму, мы с Порошиным решили отметить это дело в уютном кафе на окраине Тарасова. Место для встречи выбирал Владимир. Меня, признаться, несколько удивил его выбор, но я не стала задавать лишних вопросов. Сейчас мне просто хотелось расслабиться и узнать подробности «своего» дела от

следователя, в чьи руки перешел мой недавний противник. Но Порошин о деле говорить не захотел.

— Давай о чем-нибудь более интересном поговорим. Хотя бы сегодня, — сказал он, перед тем как сделать заказ. — Пиво, шампанское, водка, что будем заказывать?

Официант уже навис над нашим столиком с маленьким блокнотом и ручкой в руках.

— Коньяк, — ответила я, чем вызвала умильную улыбку на лице Порошина.

— Вот это я понимаю. — Он с удовольствием потер ладони и заказал: — Триста граммов коньяка, лимончик, разумеется, сок апельсиновый, ну и салатики там всякие, зелень.

Когда официант ушел, Володя посмотрел на меня и спросил:

— Признайся, там, на квартире, страшно было?

— Скрывать не буду, страшно. Но в моем деле без страха нельзя. Отчаянное бесстрашие — прямой путь на тот свет, а у меня еще ремонт в квартире не сделан и дача недостроена, так что мне спешить нельзя. — Я улыбнулась.

Владимир долго переваривал услышанное, его взгляд был прикован к официанту, который уже направлялся к нам с графином коньяка, тарелкой порезанных лимонов и двумя бокалами сока. Только когда рюмки были наполнены, Порошин вновь посмотрел на меня и с умным видом сказал:

— Да, интересная у тебя философия, правильная. — Затем он поднял рюмку коньяка и, не чокаясь, опустошил ее одним глотком. — За тебя. — Володя поморщился, закусил лимончиком и потянулся за соком. — Слушай, Женька, а как ты относишься к порнографии? — спросил он как бы между прочим, отпивая из стакана апельсиновый сок.

— Это праздное любопытство или непристойное предложение? — ответила я вопросом на вопрос.

— Обычный вопрос, можешь считать, что это неприкрытое любопытство, и только. Тебе что, трудно на него ответить?

— Нет, не трудно. — Я протянула руку к лицу Володи и, дотронувшись до его щетинистой щеки, нежно погладила. — Так вот что ты имел в виду, когда предлагал поговорить о чем-нибудь приятном? Ну что же, скажу тебе правду, я обожаю порнографию, у меня полно дисков с такими штуками. Хочешь, поедем ко мне, вместе посмотрим?

— Да ну тебя, Охотникова. — Порошин, который в первые секунды моего странного поведения немного обалдел, взял мою руку за запястье и убрал от своего лица. — Хорош прикалываться, думаешь, я тебя плохо знаю?

— А что такое? — Я изобразила глупое удивление.

— Да тому, кто захочет посмотреть с тобой порнушку, ты ноги вырвешь раньше, чем он переступит порог твоего дома.

— Я действительно такая кровожадная? — усмехнулась я.

— Не, — он покачал головой и отвернулся, как будто пожалел о том, что вообще затеял этот разговор, — ты не кровожадная, но жутко сексуальная и абсолютно неприступная. — Я сдержанно отреагировала на подобный комплимент. После короткой паузы Порошин продолжил: — Я ведь не просто так этот разговор затеял, у меня к тебе дело есть.

— Говори.

— Живет в нашем городе одна порнозвезда, которой угрожают.

— Этакая грудастая длинноногая блондинка? — уточнила я с улыбкой.

— Ну, во-первых, она рыжая, — мне показалось, что Порошина моя ухмылка в адрес порнозвезды немного задела, — а во-вторых, не очень длинноногая. Средняя такая.

— Тебя с ней что-то связывает?

— Давнее знакомство, мы в одном классе учились. — Порошин был явно смущен, говоря со мной о своей старой знакомой.

— Первая любовь? — Я не переставала выдвигать свои предположения.

— Да почему сразу любовь, просто знакомая. — Владимир разлил коньяк по рюмкам и снова, не дожидаясь меня, опрокинул содержимое в рот.

— Ладно, не тушуйся. Что произошло с твоей порнозвездой?

— Никаких прямых угроз не было, но ее пытаются запугать. Разорванные костюмы,

изрезанная в клочья постель в ее квартире. Весь бензин из машины слили, шину прокололи, а последней каплей стала ее кошка.

— А что с кошкой?

— Ее повесили. На лестничной площадке, прямо перед дверью хозяйки.

— Может, какие-то поклонники или злопыхатели? У человека с такой профессией наверняка много и тех и других.

— Может, и поклонники, хотя... — Порошин помедлил. — Какие-то извращенные поклонники.

— Так какая профессия, такие и поклонники.

— Издеваешься? — кивнул Володька.

— Нет, выдвигаю предположения.

После третьей рюмки конька наш неспешный диалог продолжился.

— Она напугана, но связываться с милицией не хочет.

— То есть к тебе она обратилась неофициально.

— Да, по старой дружбе.

— И что ты хочешь от меня?

— Профессиональной помощи, разумеется. Ты возьмешься за это дело?

— Но ведь ты говоришь, ей лично никто не угрожает, просто запугивают. Что я могу сделать при данных обстоятельствах? Успокоить, накапать валерьяночки, прочитать короткую лекцию о злостных хулиганах, которых милиция обязательно найдет и посадит в тюрьму?

— Я тебе не все сказал, — Порошин посмотрел на меня исподлобья, — это не первый подобный случай. Два предыдущих закончились плачевно.

— Поясни.

— У меня такое впечатление, что в нашей области кто-то целенаправленно истребляет звезд порнобизнеса. — Слово «звезда» в данной интерпретации несколько коробило слух, но я старалась держать эмоции при себе, чтобы лишний раз не дразнить своего старого и верного друга. — Похожую историю я слышал от своего коллеги из Михайловского. Месяца четыре назад к нему обращалась женщина, зарабатывающая на жизнь съемками в подобных фильмах. Она жаловалась, что ее кто-то преследует, но в ходе короткого расследования это не подтвердилось, и в милиции, куда она обратилась, все списали на бредни чокнутой девицы. Вскоре девушка выпала из окна собственной квартиры, а дело быстро закрыли с пометкой «суицид».

— Почему ты решил связать эти два случая?

— Потому что я покопался в делах и нашел еще один похожий случай, и снова по соседству с нами, в Карасеве два месяца назад. Тамошняя порнозвезда точно так же выпала из окна, и дело тоже закрыли как самоубийство, но...

— Что «но»?

— Из дела я узнал, что соседи погибшей говорили о том, что девушка была сильно на-

пугана. Она думала, что ее хотят свести с ума ненормальные поклонники. То, что сейчас происходит со Светой...

— Света — это и есть твоя старая знакомая, порнозвезда? — на всякий случай, уточнила я, прерывая Порошина.

— Да, Света Мордакина, речь идет о ней. Все происходящее со Светой очень похоже на предыдущие события с ее коллегами. Я ей ничего не говорил о том, что накопал, не хочу раньше времени наводить панику, но ей необходима помощь профессионала. Приставить к ней круглосуточную охрану я просто не смогу, ты же понимаешь. Поэтому очень рассчитываю на тебя. Она готова заплатить любые деньги, на этот счет можешь не беспокоиться. Конечно, я понимаю, тебе после недавних событий необходим отдых, но как только...

— Где живет твоя знакомая?

— Тут, рядом, через два квартала. — Порошин с радостным удивлением посмотрел на меня.

— Ах ты, старый лис, — я усмехнулась, — теперь понятно, почему ты затащил меня в это кафе. Ладно, поехали к твоей порнозвезде, познакомимся.

— Женечка, так ты согласна заняться делом порнозвезды?

— Мне не терпится заняться делом, этого достаточно. Поехали, — решительно заявила я и первой встала из-за стола.

Хотя пройти пешком надо было всего два квартала, мы с Порошиным решили поймать

такси. Прохладный осенний ветерок пронимал до костей, а я после недавних летних деньков еще не сменила гардероб и продолжала ходить в легких блузочках и коротких пиджаках, проще говоря, была одета явно не по погоде.

Такси остановилось напротив дома, указанного Володькой. Обычный девятиэтажный дом, ничем не приметный.

— Мне казалось, порнозвезды много зарабатывают и живут в роскошных особняках, — сказала я, выходя из машины.

— Так и есть. Света хорошо зарабатывает, в этом ты сейчас убедишься.

Мы зашли в подъезд беспрепятственно, домофон, похоже, уже давно не работал и исполнял исключительно декоративную роль.

— Только я тебя очень прошу, Женя, не спрашивай у Светланы, почему она выбрала такую странную профессию. Ее подобные вопросы очень раздражают.

— Порошин, если я берусь за это дело, то буду задавать те вопросы, которые меня интересуют. И мне не важно, что это кого-то раздражает. Понятно?

В ответ Владимир только кивнул, зная, что спорить со мной бесполезно.

На лифте мы поднялись на седьмой этаж. На площадке всего три двери, две из них обиты дешевым дерматином, третья, непривычно большая, двустворчатая металлическая дверь скрывала за собой не только квартиру, но еще и часть лестничной клетки.

— Света сделала из двух квартир одну большую, так что эта часть этажа полностью принадлежит ей, — пояснил Порошин.

Он позвонил в звонок, нам не торопились открывать, хотя суета за дверью была отчетливо слышна.

— Сейчас, Володенька, сейчас, — наконец-то услышали мы довольно приятный женский голос. — Только халатик накину.

Так я и думала, сейчас нас встретит шикарная красотка в едва прикрывающем ее прелести халатике, с боевой раскраской на лице. Увы, мои ожидания не оправдались, дверь нам открыла довольно симпатичная, сдержанно накрашенная молодая женщина. Ее большие зеленые глаза в обрамлении черных ресниц придавали лицу какую-то трогательность. Пухленькие губки (наверняка тут не обошлось без ботокса), вздернутый, как у куколки, носик, копна рыжих выющихся волос собрана в неаккуратный пучок. Шелковый халатик цвета морской волны действительно был чрезмерно укороченный, но широкие домашние брюки скрывали то, что халатику полагается открывать. Из глубокого декольте на свободу вырывались два огромных упругих шара. Грудь была настолько большой, что даже под шубой ее сложно было бы скрыть, поэтому эту откровенную деталь ее имиджа я не стала рассматривать как бестактное привлечение внимания. Порошин сдержанно представил нас.

М. Серова

■ — Света, это Женя. Женя, это Света.

— Очень приятно, проходите, пожалуйста. — Хозяйка пригласила нас в квартиру и быстро закрыла входную дверь сразу на три замка, едва мы переступили порог. — Я так рада, что вы согласились помочь мне, Владимир мне много о вас рассказывал. — Надо же, она говорила так искренне и незаносчиво, без пафоса и кривляний. Эта девушка, несмотря на свою профессию, производила хорошее впечатление и располагала к себе уже с первых минут общения. — Проходите в комнату, здесь нам будет удобнее разговаривать. Чай, кофе, коньяк, что вы будете пить?

— Кофе, — сказали мы с Порошиным практически в унисон.

Пока хозяйка суежилась на кухне, я бегло осмотрела квартиру порнозвезды. Хотя о таких квартирах говорят — хоромы, роскошь, шик, я не могла сказать, что хотела бы жить в подобном интерьере. Все чистенько, аккуратно, без изъянов, но избыток белого цвета и кожаной мебели лишал это место домашнего уюта. Как будто это и не квартира даже, а холл дорогой гостиницы. Еще бы швейцара сюда — и точно от гостиницы не отличить.

— Светлана, Владимир рассказал мне о вашей проблеме, но от вас мне хотелось бы услышать подробности случившегося. — Я начала деловой разговор сразу, как только хозяйка квартиры поставила перед нами чашки с ароматным кофе.

— Да, конечно, я готова ответить на все ваши вопросы, спрашивайте.

— Для начала расскажите все по порядку, когда, как и при каких обстоятельствах вас стали запугивать или преследовать, что именно вас насторожило, напугало? По ходу вашего рассказа я буду задавать интересующие меня вопросы.

Светлана кивнула, взяла в руки чашку с кофе, сделала маленький глоток и откинулась на спинку кресла.

— Я даже не знаю, какое из событий можно назвать первым. Дело в том, что моя профессия... вы ведь знаете, чем я занимаюсь, — сказала Светлана, глядя на меня, в ответ я только сдержанно кивнула. — Так вот, моя профессия накладывает некоторый отпечаток. Эти чокнутые поклонники, они ведь думают, если я раздвигаю ноги на экране, значит, и в жизни готова на все. — Вот теперь в Мордакиной появился некоторый налет звездности. Света стала говорить иначе, как будто перед ней сидят журналисты, которым она не должна показывать свое истинное лицо, до конца соответствуя выбранному имиджу порнозвезды. — Всякие приставалы всегда крутились возле меня, и угрожали, и охранников своих подсылали, чтобы поговорить со мной как следует. Те, кто попроще, и подъезд изрисовывали всякими пакостями, и на машине царапали непристойности. Все это немало раздражало, но выглядело вполне есте-

ственно. А потом в какой-то момент я поняла, что происходит что-то необычное...

— Что необычное стало происходить?

— Раньше я знала, кто мне пакостит или проявляет свое внимание всевозможными способами. Я видела лица этих людей или получала от них записки. А теперь... теперь все происходит как будто из-за кулис. Я потеряла из виду того, кто уже не единожды пытался войти со мной в контакт. Понимаете, — продолжала она, — в мире много извращенцев, которые не хотят понимать, что моя работа — это настоящее искусство. — В душе я поморщилась, услышав подобное сравнение, но на моем лице это никак не проявилось. — У меня уже целая коллекция фотографий поклонников, сплошные обнаженные тела в любых ракурсах. Отвратительное зрелище, конечно же, но эти извращенцы даже не пытались скрывать своего лица и своих помыслов, они были честны со мной. А этот, ну, тот, который так изощряется в последнее время, не то что лицо, даже намек никакого на то, чего хочет, не показывает.

— Простите, Светлана, а вы что, коллекционируете фотографии голых поклонников?

— Нет, что вы, — она поморщилась, — я их сразу выбрасываю.

— Но вы сказали, что у вас уже целая коллекция подобных снимков.

— Да нет, вы не так поняли. Если бы я их собирала, у меня бы действительно уже целая коллекция собралась. Но я, пардон, не извра-

ценка, мне это не интересно. Даже отвратительно.

Разговор, похожий на интервью, немного затянулся. Мордакина словно получала удовольствие, рассказывая о своих поклонниках. Ей было приятно само их существование, и об этих извращенцах, похоже, она могла говорить часами. За десять минут общения мы так и не сдвинулись с места, и я решила направить разговор в нужное русло.

— Света, Владимир рассказывал мне о том, что случилось с вашей кошкой.

— О, да, это ужасно, — она вздохнула, — спасает одно: я совсем недавно купила киску и не успела к ней привязаться. А то, наверное, залила бы здесь слезами полквартиры. Я ведь такая сентиментальная.

— Света, расслабьтесь, — я устала наблюдать за Мордакиной-артисткой, — вы не на съемках, и мы не журналисты. С нами можно по-простому, без шаблонных фраз и поступков.

Мои слова для Светланы прозвучали как хлопок врача, выводящего пациента из состояния гипноза, она вздрогнула, выпрямила спинку и глупо захлопала ресницами.

— Простите, кажется, я увлеклась. Но это процесс неконтролируемый.

— Думаю, нам будет проще продолжить разговор в отсутствие мужчины. — Я посмотрела на Порошина, он категорически возражал:

■ — Напротив, со мной вам будет легче.

— Сомневаюсь, — не отступала я и даже подтолкнула друга в бок. — Нам лучше остаться вдвоем, так мы быстрее договоримся.

— Нет, это несерьезно... я тоже должен... имею право, в конце концов! — Очень не хотелось Володьке покидать квартиру соблазнительной порнозвезды, но придумать весомого повода, чтобы остаться, никак не мог. Наконец его лицо озарилось довольной улыбкой, похоже, предлог появился. — Как я могу уйти, я ведь так и не понял, берешься ты, Женя, за дело Светланы или нет?

— Да, Евгения Максимовна, — встрепелась Мордакина, — вы беретесь за мое дело?

Я молча достала из кармана мобильный телефон, переключила его на калькулятор, быстро набрала несколько цифр и протянула мобильник Светлане.

— Столько стоят мои услуги в сутки, — прокомментировала я.

— Меня это устраивает.

— Плюс текущие расходы, — добавила я, убирая телефон обратно в карман.

— Я согласна, — кивнула Мордакина.

— Это что, такая страшная коммерческая тайна, что при мне нельзя говорить о ней вслух? — Обиделся Порошин, мимо его глаз прошла эта информация, заглянуть в мобильник он не успел.

— Спасибо тебе, Володенька, за то, что познакомил нас. Не будем тебя больше задерживать, — ответила я и посмотрела на него с

укором. — Иди, Порошин. Дай нам пообщаться.

— Ладно, фиг с вами, общайтесь. Только смотрите, лишнего себе не позволяйте. — За подобный комментарий он получил от меня крепкий подзатыльник, но даже физическое воздействие на Порошина не повлияло. Он ушел с глупой улыбкой на лице, пряча глаза и хихикая себе под нос.

Володя действительно служил «раздражителем» для порнозвезды Мордакиной. Это для него она так старалась, томно вздыхала, тянула слова. Что поделать, издержки профессии. Но стоило Порошину выйти за порог дома, Светлана, как я и ожидала, сразу изменилась, стала более естественной.

— Вы не против, если я сниму халат? Он такой скользкий и неудобный.

— Пожалуйста, — кивнула я.

Света вернулась через две минуты. На ней были все те же широкие домашние брюки, а халат сменила просторная футболка ярко-красного цвета.

— Так гораздо удобнее. — Она широко улыбнулась. — Не возражаете, если мы перейдем на «ты»? Все-таки ровесницы.

— С удовольствием.

— Как насчет коньячка, не откажешься?

— Я на работе не пью.

— Жаль. — На лице Светланы быстро промелькнула тень сожаления. — А я, пожалуй, хлопну рюмашечку. Это бодрит.

■ Мордакина подошла к секретеру, кото-

рый в ее доме исполнял роль бара, и налила себе граммов сто коньяка. Затем, с фужером в руке, вернулась обратно за столик, уселась в кресле, поджав ноги, и посмотрела на меня.

— Ну что, продолжим разговор?

— Да, давай вернемся к твоей кошке. Ты ее постоянно дома держала или выпускала на улицу?

— Нет, не выпускала, она же еще молоденькая была.

— А окна, когда ты уходишь из дома, оставляешь открытыми или закрываешь?

— Ну, когда как. Если погода хорошая, оставляю открытыми. Хотя у меня есть кондиционер, но я не люблю им пользоваться.

— Хорошо, пойдём с другой стороны. У кого, кроме тебя, есть ключи от квартиры?

— Да ни у кого.

— А запасные где хранишь?

— Тут, дома, и храню. В коридоре, на полке. Могу принести, если надо.

— Надо. — Я не стала дожидаться, когда Светлана принесет мне дубликат своих ключей, встала с дивана и пошла вслед за ней в коридор.

— Вот. — Мордакина открыла дверцу зеркального шкафа и указала на верхнюю полку, где стояла деревянная шкатулка с какими-то узорами. — Тут все мои ключи и хранятся.

Внутри шкатулки я обнаружила десятка два ключей. Некоторые были скреплены металлическими кольцами в связку, другие ва-

лялись сами по себе на дне деревянного ко-
роба.

— И какие из них от квартиры?

— Вот эти от старых замков. — Мордаки-
на продемонстрировала мне связку из трех
ключей различной длины и формы.

— От каких старых?

— Ну, от тех, которые были раньше. По-
сле того как какой-то идиот изрезал мою по-
стель, я сменила дверные замки. А ключи вот
забыла выбросить, так они у меня тут и валя-
ются.

— А кто менял замки?

— Я слесаря из ЖЭКа вызывала.

— А кто из твоих знакомых знал, что ты
поменяла дверные замки?

— Так все знали, я из этого секрета не де-
лала. Я ведь, когда это случилось, ну, когда
постель мою порезали, сразу, как на студию
пришла, всем и рассказала. Мне тогда еще
девчонки наши посоветовали замки в двери
сменить, я на следующий же день и сменила.

— И где дубликат новых ключей?

— Вот. — Вторая связка, очень похожая
на предыдущую, оказалась в моих руках.

— А где ключи, с которыми ты ходишь?

— В сумочке.

— Можно посмотреть?

— Разумеется, пожалуйста.

После того как из сумочки, которая боль-
ше походила на саквояж, Мордакина один за
другим вытащила кошелек, сигареты, фляж-
ку, огромный пузатый флакон с дорогой туа-

летней водой, ярко-оранжевый полиэтиленовый пакет, сквозь который просвечивались кружева нижнего белья (костюмы для съемок, наверное), она добралась до кожаной ключницы и протянула ее мне со словами:

— Вот с этими ключами я хожу ежедневно.

— Где ты держишь свою сумку, когда снимаешься? — Я продолжила задавать вопросы, разглядывая ключи от квартиры. Поскребла ногтем по металлу, поднесла ключ к носу. Светлана наблюдала за мной с некоторым удивлением, отвечая на поставленный вопрос.

— Вообще, если у нас студийная съемка, я убираю все вещи в шкафчик. У меня есть своя персональная гримерка и свой шкафчик, — не без гордости заявила Мордакина.

Факт наличия у нее персональной гримерки несказанно радовал девушку и приближал ее к представителям мира истинного искусства. Прямо как у настоящей примы театра — своя гримерка, свой шкафчик.

— Гримерку ты закрываешь перед уходом?

— Нет, она всегда открыта.

— А шкафчик?

— Его я закрываю.

— А ключ куда убираешь?

— Хех, — усмехнулась Мордакина. — Напекаешь на то, что мне во время работы ключик положить некуда, потому что на мне совсем нет одежды?

— Я ни на что не намекаю, я спрашиваю конкретно: куда ты кладешь ключ от шкафчика?

— В выдвижной ящик столика.

— Ясно. Я так понимаю, что твои вещи фактически остаются без присмотра большую часть времени.

— Думаешь, их кто-то спер и сделал дубликат?

— Не думаю, я в этом уверена. Кстати, после того как ты сменила замок, к тебе еще навевывались в квартиру?

— В квартиру нет, а вот к машине моей подходили. Причем не один раз.

— И что происходило с твоей машиной? Спущенные шины, исцарапанный капот?

— Не без этого, конечно. Но меня больше задело другое, — последние слова Светлана сказала почти шепотом.

— Что именно? — по инерции я тоже стала говорить тише.

— Неприятно об этом говорить, — Мордакина замялась, — в общем, в моей машине кто-то был, прямо внутри, в салоне. И оставил там следы. — Она по-прежнему говорила тихо.

— Какие именно следы?

— Следы мужского удовольствия.

— Что?

— Ты что, не знаешь, как выглядит мужское удовольствие?

— Имею представление, — кивнула я и поморщилась. Вот уж не думала, что Светлана, с ее раскрепощенностью (судя по выбранной профессии), постесняется называть вещи своими именами, придумывая для них смеш-

ные определения. — И что ты сделала с этим «удовольствием»?

— Выбросила к едрене фене.

— Как выбросила?

— Вместе с чехлами сидений.

— А тебе не приходило в голову вызвать милицию, чтобы они взяли материал на исследование?

— Нет, — она разочарованно помотала головой, — вот ведь дура. — Мордакина стукнула себя кулаком по лбу. — Представляешь, даже в голову не пришло. Вот дура!

— Света, расскажи мне в двух словах о своей работе. — Я потянула Мордакину за рукав футболки в сторону комнаты.

Мы вернулись на прежнее место, я расположилась на диване, Светлана в кресле.

— А что тут рассказывать? Ты что, никогда порнофильмов не смотрела?

— Смотрела, но меня сейчас не детали волнуют, а место съемок. У вас есть своя студия, это я уже поняла. Но ведь вы не только на студии снимаете? — В ответ Мордакина кивнула. — Где еще? В квартирах, на природе, за границей?

— За границей давно не снимали, к сожалению. — Она грустно улыбнулась. — Последний год из города не выбираемся. Студия — это огромный особняк за городом. Принадлежит он нашему продюсеру, режиссеру и сценаристу в одном лице, Льву Петровичу Кутепову. В особняке он и оборудовал студию, там легко меняются декорации, там

много рабочих площадей, можно одновременно несколько сцен снимать. Летом, разумеется, на природу выбираемся. Зрители любят, когда существует риск быть замеченным кем-то посторонним. Ведь почти все, кто смотрит наши фильмы, представляют себя на месте актеров. Поэтому съемки в общественных местах и на природе заводят по-особенному. В этом есть доля риска, адреналин, и эффект от подобных сцен возрастает в сотни раз. Так что на одной студии торчать — это верх непрофессионализма. А мы компания серьезная, с именем, нам все время надо менять декорации.

Если Мордакина и дальше будет так подробно рассказывать о своей работе, к концу месяца я стану знатоком порноиндустрии и смогу написать книгу об этом своеобразном искусстве, с его законами и особенностями. В душе я усмехнулась подобной идее, родившейся в моей голове.

— Завтра у тебя есть съемки?

— Да, на студии. Но Борис разрешил мне первую половину дня поваляться в постельке, так что до четырех я совершенно свободна.

— А Борис — это кто?

— Это мой агент, если можно так сказать. Он решает все мои проблемы: ведет мой ежедневник, договаривается о гонорарах, находит хорошие роли. В общем, он моя и правая и левая рука. — Светлана кокетливо улыбнулась. — Но ты не подумай, между нами ничего не было и нет.

— Я об этом и подумать не успела. Мне хотелось бы познакомиться с твоими коллегами и с рабочим местом, то есть со съемочной площадкой.

— Вообще-то это сложно организовать. Кутепов не разрешает привозить посторонних на съемочную площадку. Сама понимаешь, такое дело... тут посторонние ни к чему.

— И все-таки я должна побывать в этом храме искусства.

— Посмотрим, что можно сделать. — Мордакина задумалась. — Но ничего обещать не могу.

— Еще мне необходимо осмотреть твой дом, гараж, машину...

— Гаража у меня нет, — вклинилась Светлана. — Я ставлю машину на стоянку.

— Хорошо, осмотрю стоянку.

— Но сейчас уже поздно, давай перенесем осмотр на завтра. Утром-то я все равно свободна, — взмолилась Мордакина и направилась за добавкой коньяка, ее фужер уже опустел.

Я взглянула на часы, обе стрелки, как в сказке про Золушку, застыли на римской цифре двенадцать. Действительно, не самое удачное время для «разведки». Поскольку прямых угроз жизни Мордакиной пока не было, я согласилась, что осмотр достопримечательностей можно перенести на утро.

— Хорошо, оставим все до завтрашнего дня. Еще я хотела бы установить в твоей квартире видеокамеры.